УДК 343.7

DOI 10.17223/23088451/14/3

О.В. Ермакова

**ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ ГРАЖДАНИНУ КАК ПРЕСТУПНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ КРАЖИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Анализируется такое последствие состава кражи, как значительный ущерб гражданину. В результате изучения научной литературы и судебной практики выявляются проблемы толкования данного последствия. Отдельное внимание уделяется тем судебным решениям, квалификация деяния в которых, по мнению автора, достаточно сложна и неоднозначна. Предложенные автором правила применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ направлены на унификацию судебной практики.

Ключевые слова: *значительный ущерб, преступления против собственности, кража, момент окончания преступлений против собственности.*

Преступные последствия в виде причинения значительного ущерба гражданину, закрепленные в квалифицированном составе кражи, относятся к числу оценочных. Данное положение объясняется тем обстоятельством, что признание ущерба значительным зависит от имущественного положения потерпевшего и определяется в каждом конкретном случае индивидуально.

С положительной стороны следует отметить, что законодатель с целью устранения спорных вопросов квалификации разъяснил понятие значительного ущерба гражданину в примечании 2 к ст. 158 УК РФ, ограничив минимальный размер такого вреда суммой в 5 000 руб. Однако в научной литературе высказываются суждения о недостаточном увеличении такого размера по сравнению с прожиточным минимумом, сумма которого на 1 квартал 2019 г. составила 10 753 руб. [1].

Обращает на себя внимание также тот факт, что при таком установлении размеров промежутков между значительным ущербом и крупным достаточно велик.

Проблемы правильного законодательного установления градации размеров приводят отдельных ученых к мысли о необходимости отказа от подобного подхода. В обоснование исследователи приводят примеры, когда размер похищенного отличается от закрепленного в законе на одну копейку и, по своей сути, разность сумм с экономической и потребительской точек зрения является ничтожной, однако возбуждение уголовного дела невозможно [2, с. 3–6].

В свою очередь, в соответствии с теорией конструирования состава преступления описание материально-составного путем указания на характер вреда и его размер – наиболее правильный и точный способ отражения избранного момента окончания преступления в нормах Особенной части УК РФ. Именно поэтому следует одобрить стремление законодателя в нормах закона представить указание как на разновидность последствий, так и на их размер.

Анализ научной литературы и судебной практики показывает, что, несмотря на предпринимаемые законодателем меры, толкование оценочного понятия «значительный ущерб гражданину» сопряжено со значительными трудностями.

Так, квалифицированный состав кражи содержит указание исключительно на причинение значительного ущерба *гражданину* (выделено мной. – О.Е.). Букваль-

но толкуя положения закона, следует вывод, что для организаций такого ущерба существовать не может, а при наличии крупного или особо крупного ущерба квалификация проводится по другим квалифицирующим признакам.

Думается, подобное положение закона противоречит принципу равенства в той части, что положения закона должны применяться в одинаковой мере и к гражданам, и к организациям, поэтому следует исключить из п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ указание на потерпевшего от преступления.

Особую актуальность поставленный вопрос имеет в тех ситуациях, когда ущерб причинен индивидуальному предпринимателю, поскольку зачастую правоприменительные органы чрезмерно ограничительно толкуют уголовный закон, применяя п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ исключительно к гражданам.

Например, органами следствия действия М. были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ, несмотря на то что сумма ущерба составляла 137 000 руб., поскольку потерпевший П. является индивидуальным предпринимателем [3].

По нашему мнению, подобное толкование закона нельзя признать верным, так как статус индивидуального предпринимателя не связан с юридическим лицом, следовательно, на него должны распространяться все те права, которые относятся к гражданам.

Исходя из содержательной характеристики понятия «значительный ущерб гражданину», закрепленной в примечании 2 к ст. 158 УК РФ, критериями его установления выступают следующие.

1. Стоимостная характеристика ущерба, которая должна составлять не менее 5 000 руб.

В этой части особые опасения имеются по качественной составляющей проводимой оценки стоимости имущества.

Органы предварительного расследования в большинстве случаев проводят комиссионную экспертизу, однако в отдельных районах вследствие недостаточной материальной базы она не осуществляется, а оценка производится по объявлениям о продаже схожих товаров в Интернете (например, сайт «Авито») либо со слов самого потерпевшего.

При подобных способах определения стоимостной характеристики возможна необъективность, так как,

делая скриншот со страницы из Интернета, правоприменительные органы не видят предлагаемый товар, не оценивают имеющиеся повреждения и расхождения в описании. Кроме того, цены в объявлениях могут существенно различаться, что порождает проблему выбора той цены, которая подлежит применению.

В отдельных регионах оценку имущества осуществляют сами потерпевшие. Данная практика имела широкое распространение в советское, а также в постсоветское время и в принципе, как замечают отдельные ученые, была допустима, поскольку цены были относительно стабильными и устанавливались, контролировались и регулировались государством [2, с. 3–6]. В свою очередь, в настоящее время потерпевшие, осуществляющие оценку собственного имущества, зачастую субъективно преувеличивают его стоимость, не учитывая амортизацию, наличие повреждений и т.д.

Таким образом, определяя стоимость похищенного имущества, наиболее целесообразно исходить из данных комиссионной экспертизы. При невозможности ее проведения необходимо более детально оценить стоимость на основе анализа схожих товаров, документов, подтверждающих стоимость, состояния имущества на момент хищения.

2. Имущественное положение потерпевшего и его семьи, которое должно свидетельствовать о существенном влиянии ущерба на их уровень жизни и благосостояние.

В этой части правоприменительная практика оценивает доход потерпевшего и членов его семьи, количество иждивенцев, размер расходов (в том числе с учетом коммунальных выплат, кредитов и т.д.).

В отдельных уголовных делах имеются ссылки на возраст потерпевшего и состояние здоровья. С таким расширением критериев значительного ущерба, по нашему мнению, нельзя согласиться, поскольку возрастные характеристики не имеют отношения к имущественному положению человека, а неблагополучие в указанной сфере зачастую встречается и в «работоспособном» возрасте. Что касается состояния здоровья, то само по себе наличие заболеваний, не препятствующих работоспособности человека, не может выступать критерием значительности. В том же случае, когда вследствие заболевания человек не может работать (инвалид, временно нетрудоспособный), состояние здоровья выступает лишь доказательством низкого имущественного положения лица, а не самостоятельным критерием определения значительности.

В научной литературе отдельными авторами указывается на превалирование второго критерия, поскольку сущность этого квалифицирующего признака связывается с ухудшением имущественного положения потерпевшего [4, с. 56–60].

Однако отсутствие рамок в виде минимальной границы любого вида ущерба, а тем более выраженного оценочной категорией, может чрезмерно расширить пределы применения квалифицированного состава преступления.

Помимо законодательного определения значительного ущерба, разъяснения данного понятия приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 де-

кабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». При этом обращает на себя внимание тот факт, что Верховный Суд расширяет перечень условий, необходимых для установления значительности, предлагая судам, помимо изложенных в УК РФ критериев, принимать во внимание значимость данного имущества для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и т.д. [5].

Анализ приведенных рекомендаций свидетельствует, что такие признаки, как доход, расходы, количество членов семьи и иждивенцев, не выступают самостоятельными критериями значительности, а характеризуют имущественное положение потерпевшего. По своей сути, новым критерием выступает лишь значимость имущества.

Следует отметить, что в последние годы в судебной практике встречаются приговоры, в которых суд не применяет п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, указывая на отсутствие такого критерия, как значимость.

Так, приговором Индустриального районного суда г. Барнаула К. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд первой инстанции исходил из того, что общий доход семьи 28 000 руб., на иждивении двое несовершеннолетних детей, автокредит в сумме 18 000 руб. В свою очередь, сумма ущерба превышает установленный законодательством минимум для этой разновидности ущерба. Судебная коллегия, исключая квалифицирующий признак, указала: судом не принято во внимание, что похищенные три ювелирных изделия не являются предметами первой необходимости, потерпевшая имеет автомобиль стоимостью 735 000 руб. [6].

По другому уголовному делу был исключен признак значительности ущерба с указанием на то обстоятельство, что потерпевшая, помимо похищенного телевизора, обладает еще несколькими [7].

Думается, подобный подход к определению границ значительности недопустим в связи со следующими аргументами. Термины «значительность» и «значимость» обладают с точки зрения этимологического значения разным содержанием. Так, значительность означает большой размер, большую величину. В свою очередь, значимость предполагает важность чего-либо [8, с. 137]. Очевидно, что характеристике ущерба в преступлениях против собственности полностью соответствует понятие значительности, предполагающее имущественную оценку. Включение в содержание значимости противоречит самому понятию ущерба, предполагающему уменьшение имущественной массы собственника или иного владельца.

Таким образом, критерий значимости вообще не имеет отношения к значительности ущерба, поскольку отражает не стоимостную оценку, а важность этого имущества для конкретного человека.

Существующие проблемы в судебной практике позволяют согласиться с утверждением П.С. Яни, указывающим, что «естественное стремление правоприменителя к формализации признаков всякой оценочной категории, посредством которой в законе описан состав преступления, в этом случае вряд ли может быть удо-

влетворено – выработать формулу учитываемых при вменении обсуждаемого признака обстоятельств, которым можно было бы придать заранее установленное значение, в принципе невозможно» [9, с. 12–14].

Однако сказанное не означает невозможность выработки ориентиров для судебной практики, руководствуясь которыми возможно правильное толкование закона. В части содержания такого последствия, как значительный ущерб, эти критерии должны в первую очередь основываться на реальной стоимости похищенного имущества, определяемой в соответствии со всеми требованиями объективности и всесторонности. Кроме того, в качестве второго критерия необходимо учитывать соотношение данной стоимости с имущественным состоянием потерпевшего. В свою очередь, такой показатель, как значимость имущества, значения для квалификации иметь не должен.

Представленное толкование понятия «значительный ущерб гражданину» в большей степени соответствует примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, ограничивающему содержание данного последствия исключительно размером вреда и имущественным положением потерпевшего. В свою очередь, как нам видится, Пленум Верховного Суда РФ чрезмерно расширил перечень обстоятельств, свидетельствующих о значительности, как включив в него излишние характеристики, так и перечислив в качестве самостоятельных те показатели, которые, по существу, относятся к имущественному положению.

Отдельно следует указать на возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к тем преступлениям, которые фактически не окончились причинением имущественного ущерба, однако умысел виновного был конкретизированным и свидетельствовал о его стремлении изъять имущество именно в значительном размере (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29).

Как указывает П.С. Яни, подобное разъяснение стало показателем изменения позиции Верховного Суда РФ в этом вопросе и является более правильным [Там же, с. 12–14]. К тому же учет направленности умысла полностью соответствует тому толкованию, которое Верховным Судом дано применительно к крупному и особо крупному размеру в грабеже и разбое.

Однако возникают серьезные сомнения в существовании подобных ситуаций в практической деятельности, что связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, определить направленность умысла виновного при фактически неоконченных действиях практически не представляется возможным. А учитывая, что в 38 изученных судебных решениях умысел описан как неконкретизированный, означающий стремление виновного изъять имущество без его осведомленности о стоимостной оценке, доказать наличие конкретизированной разновидности умысла достаточно сложно. К тому же виновный в большинстве случаев на самом деле не осведомлен о стоимости похищаемого имущества.

Во-вторых, потерпевший, который также еще не лишился имущества в значительном размере, вряд ли сможет оценить его стоимость и, соответственно, верно определить потенциально возможный ущерб.

Соответственно, возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ при фактическом отсутствии значительного ущерба может быть реализована только при отражении в приговоре конкретизированного умысла, направленного на причинение именно такого вреда.

В этой части нельзя не прокомментировать отдельные примеры, приводимые в научной литературе. Так, А.Ф. Залов моделирует следующую ситуацию: «Если преступник забрался в особняк, где висят картины известных художников, а затем похитил в одной из комнат барсетку, в которой было 10 тыс. руб., то п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ вменять не стоит, даже если окажется, что владельцем барсетки является не очень обеспеченный гражданин, для которого 10 тысяч – значительная сумма, поскольку вор не мог предположить исходя из обстановки места хищения, что причиняет значительный ущерб» [4, с. 56–60]. Ошибочность данного утверждения заключается в том, что наличие неконкретизированного умысла влечет квалификацию действий виновного по фактически наступившим последствиям, следовательно, при соответствии ущерба критериям значительности можно вменять такой квалифицирующий признак.

В качестве вывода следует отметить, что в стратегическом плане законодательство должно развиваться в направлении уменьшения использования в УК РФ оценочных понятий, что связано со сложностями их установления в правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2019 года : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 02.07.2019 № 461. URL: <https://rg.ru/2019/07/23/mintrud-prikaz461-site-dok.html> (дата обращения: 19.09.2019).
2. Векленко В.В., Галан С.В. Совершенствование уголовной ответственности за различные виды хищений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3 (38). С. 3–6.
3. Уголовное дело № 1-256/2017 // Октябрьский районный суд г. Барнаула.
4. Залов А.Ф. Кража с причинением значительного ущерба гражданину // Законность. 2011. № 10. С. 56–60.
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
6. Уголовное дело № 1-287 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула.
7. Уголовное дело № 1-107 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула.
8. Шаповалова О.А. Этимологический словарь русского языка : [более 4 500 словарных статей]. Ростов н/Д : Феникс, 2009. 238 с.
9. Яни П.С. Значительный ущерб как признак хищения // Законность. 2016. № 4. С. 12–14.

Large-Scale Damage to a Citizen as a Criminal Consequence of Theft: Law Enforcement Practices

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 11–14. DOI 10.17223/23088451/14/3

Olga V. Ermakova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: large-scale damage, crimes against property, theft, accomplishment of crimes against property.

The qualification of theft causing large-scale damage to a citizen is undoubtedly a topical problem due to a high incidence of thefts among all recorded crimes as well as their qualification and interpretation. Drawing on the scholarly literature and judicial practice, the author analyses a large-scale damage as a theft consequence to highlight the gaps in its interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation. The analysis results in a number of criteria for recognizing damage as large-scale. In terms of their content, these criteria should primarily be based on the real value of the stolen property, determined in accordance with all the requirements of objectivity and comprehensiveness. In addition, the second criterion necessitates taking into account the ratio of this value to the victim's property. In turn, the indicator of property importance should not be of any relevance for qualifications. The presented interpretation of the concept of "large-scale damage to a citizen" is more consistent with Note 2 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, limiting the content of this consequence solely to the amount of harm and property status of the victim. However, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation excessively expanded the list of circumstances indicating large-scale damage, having included both unnecessary characteristics and listed as independent those indicators that essentially relate to property status.

References

1. The Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (2019) *Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2019 № 461 "Ob ustanovlenii velichiny prozhitochnogo minimuma na dushu naseleniya i po osnovnym sotsial'no-demograficheskim gruppam naseleniya v tselom po Rossiyskoy Federatsii za I kvartal 2019 goda"* [Order No. 461 of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 2, 2019, "On establishing the subsistence level per capita and for the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation for the first quarter of 2019"]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/07/23/mintrud-prikaz461-site-dok.html> (Accessed: 19th September 2019).
2. Veklenko, V.V. & Galyan, S.V. (2010) Sovershenstvovanie ugovnoy otvetstvennosti za razlichnye vidy khishcheniy [Improving the criminal liability for various types of thefts]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 3(38). pp. 3–6.
3. Oktyabrsky District Court of Barnaul. (2017) Criminal Case No. 1-256/2017.
4. Zalov, A.F. (2011) Theft committed with the infliction of large-scale damage to a citizen. *Zakonnost'*. 10. pp. 56–60. (In Russian).
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2003) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. № 29 "O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe" [Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002, "On judicial practice in cases of theft, robbery and plundering"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
6. The Archive of the Industrial District Court of Barnaul. (n.d.) Criminal Case No. 1-287.
7. The Archive of the Industrial District Court of Barnaul. (n.d.) Criminal Case No. 1-107.
8. Shapovalova, O.A. (2009) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Rostov on the Don: Feniks.
9. Yani, P.S. (2016) Serious damage as an element of theft. *Zakonnost'*. 4. pp. 12–14. (In Russian).